

© 2024. А. Г. Разумовская

Псковский государственный университет
г. Псков, Россия

Поэтическая рефлексия Екатерининского парка от Пушкина до современности: «obelisks Славы и Победы»

Аннотация: В статье впервые целостно рассматривается звучание темы воинских побед в поэтической рефлексии царскосельского Екатерининского парка, что значительно обогащает представление о семантике пространства, имеющего в культурной памяти устойчивое определение «отечество муз». Обширный фон русской поэзии, начиная с эпохи Просвещения, раскрывает эволюцию восприятия парка как пространства памяти, исторических воспоминаний, пантеона русской славы. Анализ поэзии XVIII–XXI вв. разных направлений и стилей (от классицизма и романтизма до акмеизма и его последователей) дает возможность выявить избирательность объектов осмысления, проследить динамику и трансформацию их интерпретации в разные исторические времена. Особое внимание уделено парковым символам, восходящим к творчеству А. С. Пушкина — Кагульскому обелиску и Чесменской колонне, увенчанной орлом-победителем. Пушкинская традиция истолкования монуменов прослеживается в творчестве поэтов-царскоселов, проживавших в СССР или в эмиграции. Делается вывод, что обращение поэтов к аллегориям патриотизма и высокого служения Отечеству актуализируется в переломные исторические времена. В мирные годы доминирующими в восприятии являются пейзажные картины, превращающие художественную «вселенную» парка в «страну воображения», символ любовного и творческого Эдема.

Ключевые слова: Царское Село, Екатерининский парк, царскосельская мифология, военные мемориалы, поэтическая рефлексия, А. С. Пушкин, акмеизм.

Информация об авторе: Аида Геннадьевна Разумовская, доктор филологических наук, профессор, Псковский государственный университет, пл. Ленина, д. 2, 180000 г. Псков, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7289-0629>

E-mail: aida1@list.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 10.08.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 19.09.2024

Дата публикации статьи: 25.12.2024

Для цитирования: Разумовская А. Г. Поэтическая рефлексия Екатерининского парка от Пушкина до современности: «obelisks Славы и Победы» // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 4. С. 90–109. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-90-109>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 90–109. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 90–109. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. **Aida G. Razumovskaya**

Pskov State University

Pskov, Russia

The Poetic Reflection on Catherine Park from Pushkin to the Present Day: “The Obelisks of Glory and Victory”

Abstract: The article comprehensively approaches the theme of military victories in the poetic reflection of Catherine Park in Tsarskoye Selo, enriching the perception of the semantics of the place that has the stable definition of the “motherland of muses” in the cultural memory. The extensive background of Russian poetry starting from the Enlightenment exposes the clear, obscure, or concealed evolution of the perception of the Park as the space of memory, historical reminiscences, and the pantheon of Russian glory. The analysis of the 18th–19th-centuries poetry material of various styles and trends, from classicism and romanticism to acmeism and its successors, makes transparent the choice of the objects for reflection as well as enables us to see the dynamics and transformation of their interpretation in various historical epochs. The author particularly focuses on the Park symbolism ascending to A. S. Pushkin’s poetry: Kagul obelisk and Chesme Column crowned with the victorious eagle. One can trace this Pushkin tradition of monuments’ interpretation in the artwork of those poets of Tsarskoye Selo who lived in the former Soviet Union or emigrated. The author concludes that poets’ appeal to the allegories of patriotism and dedicated service to the Motherland gained a prominent focus in crucial times, such as a war or revolution. In peaceful times, the landscape sceneries dominate in perception, transforming the artistic “Universe” of the Park into “the country of imagination” and the symbol of the Eden of love and creativity.

Keywords: Tsarskoye Selo, Catherine Park, mythology of Tsarskoye Selo, military memorials, poetic reflection, A. S. Pushkin, acmeism.

Information about the author: Aida G. Razumovskaya, DSc in Philology, Professor, Pskov State University, Lenin Sq., 2, 180000 Pskov, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7289-0629>

E-mail: aida1@list.ru

Received: August 10, 2024

Approved after reviewing: September 19, 2024

Published: December 25, 2024

For citation: Razumovskaya, A. G. “The Poetic Reflection on Catherine Park from Pushkin to the Present Day: ‘The Obelisks of Glory and Victory.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 4, 2024, pp. 90–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-90-109>

Уникальному творению садово-паркового искусства — Екатерининскому парку Царского Села — посвящено немало краеведческих и искусствоведческих работ [Кючарианц, Раскин], [Соколов], [Швидковский] и др. По праву считающийся «одним из выдающихся произведений эпохи Просвещения не только в России, но и в мире» [Соколов 2017а: 33], этот парк отвечал представлениям об идеально организованной жизни и одновременно помогал «раскрыться душе, вернуться к естественным чувствам, <...> стать самим собой...» [Свирида: 57]. Ориентируясь на английские садовые образцы, в частности, парк Стоу, Екатерина II восприняла отношение к пейзажу как художественному и философскому явлению и воплотила в собственном парке новое садовое мышление [Соколов 2017б: 104–113]. Особенностью царско-сельской «вселенной» является заключенная в парке система «художественных миров»: «мир чувств вечных», «мир восточных грез», «мир политических мечтаний», за пределами парка — мир «просвещенного благополучия» [Швидковский: 228, 238]. Воздействие на посетителей художественно-философской программы искусно преображенного пространства, отражение его бытия в литературной памяти связано с историческими событиями, философскими и эстетическими представлениями разных культурных эпох.

Екатерининскому парку посвящены многочисленные поэтические отклики, начиная со времен классицизма и романтизма. Являя в глазах людей XVIII–XIX столетий «пример и образец Едемской красоты», «Царский сад» [Царскосельская антология: 80] именовался то садом «северной Армиды» [Царскосельская антология: 66], то «чертогом Фелицы» [Царскосельская антология: 111]. После смерти Екатерины II он стал ассоциироваться с Элизиумом во многом благодаря Г. Р. Державину, первым уловившему витающий на «острове Киприды» дух прошедшего: «Померк красот волшебных свет, / Всё тьмой покрылось, запустело; / Всё в прах упало, помертвело...» [Царскосельская антология:

58]. Одновременно стихотворец обратил внимание на способность пейзажного парка с его непрерывно меняющимися картинами пробуждать в человеке чувства, воспоминания.

В научных работах, раскрывающих литературную мифологию царскосельского парка [Топоров: 264–431], [Разумовская 2014: 162–196], [Арьев: 5–43], [Разумовская 2022: 48–55] и др., оправданно закрепилось представление о нем как о «загадочном символе нашей лирической и призрачной земли обетованной», «пантеоне царственных муз» [Арьев: 5, 10]. При этом до сих пор вне орбиты исследовательского внимания остаются «obeliski Славы и Победы» [Царскосельская антология: 295], составляющие «царскосельский код» наряду с аллеями, озерами, лебедями, статуями. Отсутствие литературоведческих исследований на данную тему подтверждается новейшей содержательной работой о «царскосельском тексте» [Лебедева]. Цель настоящей статьи — выявить основные объекты поэтической рефлексии монументов — «свидетелей побед» [Царскосельская антология: 380], определить их место в царскосельской мифологии, проследить динамику лирического осмысления на протяжении развития отечественной поэзии.

Известно, что в 1770 г. у Екатерины II родился замысел установить памятники серии блистательных побед России в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. На замковом камне Башни-руины, сооруженной Ю. Фельтеном в 1771–1773 гг. и символизирующей Оттоманскую Порту, высечена надпись: «На память войны, объявленной турками России, сей камень поставлен в 1768 году». Одновременно архитектор А. Ринальди создал в парке «сюиту мемориальных сооружений» [Кючарианц, Раскин: 188]. Первый воинский знак — Морейская, или Малая роstralная колонна, сооружена в 1771 г., практически одновременно был возведен Кагульский (Румянцевский) обелиск. Чесменская, или Большая роstralная колонна создавалась в 1774–1778 гг., Крымская (Сибирская) колонна — в 1777 г. (сегодня она находится за пределами парка), Орловские (Гатчинские) ворота — в 1777–1782 гг. Красный (Турецкий) каскад сооружался по проекту В. Неелова и И. Герарда в 1770–1780-х гг. Не сохранившийся до наших дней Турецкий киоск был построен по проекту В. Неелова в 1779–1781 гг. Все монументы отражают важные события в истории России: овладение Крымским ханством и длительное противоборство с Оттоманской империей, укрепление позиций на берегах Черного моря, военные действия

в Греции, на полуострове Морея. Тогда же было решено переделать геометрический Большой пруд в пейзажное озеро, очертания которого напоминают очертания Средиземного моря — арены русских побед над турками. «Когда война сия продолжится, то Царскосельский мой сад будет походить на игрушечку, после каждого славного воинского деяния воздвигается в нём приличный памятник», — писала императрица Вольтеру в августе 1771 г. [Швидковский: 235]. Очевидно, что Екатерина Великая задумала воплотить в парке непреходящее победное торжество России.

Наличие четкой идеологической программы отразилось в пространственной организации парка. Сформированный создателями ансамбля путь торжественного шествия от Петербургской дороги ко дворцу начинался Орловскими мраморными воротами. Известно, что во время приема Потемкина в 1792 г. в Царском Селе ворота были иллюминированы и украшены, на транспаранте высвечивались стихи из «Оды на взятие Очакова» В. Петрова: «Ты в плесках видишь в Храм Софии». Эта строка, означающая «Ты среди рукоплесканий вступишь в Константинополь», явилась ключом к аллегории, которую представляли виды парка. Современный историк архитектуры пишет:

Сразу же за Триумфальными воротами процессию встречала Башня-руина Фельтена, посвященная в этой аллегории «Очаковской виктории». Далее зрителю предстал турецкий павильон, стоявший на берегу протока, — точная копия подлинного сооружения на берегу Босфора. <...> Тот же ручей был украшен Красным, или Турецким, каскадом, обрамленным двумя башенками, напоминавшими восточные. <...> Эти сооружения должны были «создать турецкий образ». За ними начиналась часть парка, вид которой передавал аллегорию «ты в плесках видишь в Храм Софии». От определенного места в парке открывался купол Софийского собора Камерона («...в Софии есть Софийский собор»). На озере же стоял символ морских побед — роstralная колонна, построенная в честь битвы при Чесме, в ходе которой турецкий флот был разгромлен [Швидковский: 234–235].

Средоточием победной темы, ее апофеозом был Храм Памяти — вторая галерея Ч. Камерона, бывшая на месте террасы, возведенной впоследствии Л. Руска. К длинному одноэтажному зданию — ионической колоннаде, поднятой на невысоком цоколе и украшенной много-

численными статуями и барельефами, — была пристроена Триумфальная арка со стороны подхода от Орловских ворот. Но триумфальный путь по парку не оканчивался у Храма Памяти. Выйдя из него, можно было подняться на пандус Камероновой галереи и попасть «в созданный Камероном прекрасный мир античной гармонии, даруемой в награду за победы и ратные труды, войти в роскошные “чертоги, какие создавать удобны только боги”. Сююминутная героиня войны обретала бессмертие благодаря приобщению к непреходящему античному идеалу, зримый образ которого создал Камерон в своих термах и галерее. Оживление античности приобретало конкретный современный смысл. Вся содержательная композиция, концепция парка, триумфальное шествие по нему получали конечную цель» [Швидковский: 236–237].

В поэтическом отклике И. Ф. Богдановича 1790-х гг. передается впечатление от созерцания памятников «турецкого» триумфа, которые сливаются со «славой античного идеала», воплощенного в образах Камероновой галереи:

Там новые водам открылися пути
И славных русских дел явились монументы.
В их славу древность там
Себе воздвигла храм... [Царскосельская антология: 59]

В насыщенное аллегориями пространство втянулись возведенные в 1817 г., при Александре I, триумфальные ворота «Любезным моим сослуживцам», спроектированные архитектором В. Стасовым в честь победы России в войне 1812 г., и последняя постройка на территории парка — Турецкая баня И. Монигетти, возведенная при Николае I в память о Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Таким образом, архитекторами программировались ассоциации и характер медитаций посетителей парка, превращавшие прогулку по нему в движение мысли, наполненное разнообразием исторических переживаний.

Проследим, какое воздействие оказывали эти военные аллегории на поэтов — наиболее чутких и восприимчивых наблюдателей ландшафтных театрализаций. Державин в стихотворении «Прогулка в Сарском Селе» (1791) хотя и упомянул мемориальные сооружения, описывая водную прогулку «между столпов / И зданиев Фемиды, / Сооруженных ей / Героев Русских в славу» [Царскосельская антология: 53], но его во-

одушевляли не эмблемы воинских подвигов, а зрелище вечерней природы: «Сребром сверкают воды, / Рубином облака, / Багряным златом крови; / Как огненна река, / Свет ясный, пурпуровый, / Объял все воды вкруг...» [Царскосельская антология: 53]. Любуясь гармонией памятников и пейзажа, поэт продлевал в своих строках увиденную красоту: «Какая пища духу! / В восторге я сказал: / Коль красен взор природы / И памятников вид, / Они где зрятя в воды...» [Царскосельская антология: 54]. Тем самым Державин передал пленительную ауру идиллического места, способствующего созерцанию и уединенным размышлениям.

Но те же монументы иначе воспринимались в годы борьбы с Наполеоном. Так, А. Ф. Воейков недаром включил в перевод поэмы Ж. Делюля «Сады» собственное описание царскосельского парка. Автор пробуждал у соотечественников патриотические настроения, актуализируя память о екатерининской эпохе: «Забуду ли тебя, сад Царскосельской славной! / Отдохновение жены, героям равной, / Где не зарос ея любезный Россам след, / Где каждый памятник есть памятник побед...» [Царскосельская антология: 60]. В сознании современников Отечественной войны 1812 г. парк стал мыслиться олицетворением славы Российской.

В дальнейшей «поэтической истории» парка главное место принадлежит А. С. Пушкину. Воскликнув вслед за Державиным: «Не се ль Элизиум полнощный, / Прекрасный Царскосельский сад...?», юный поэт почувствовал, что здесь «каждый шаг в душе рождает / Воспоминанья прежних лет» [Царскосельская антология: 83]. Спустя столетие И. Ф. Анненский писал, что «именно в Царском Селе, в этом парке “воспоминаний”, по преимуществу, в душе Пушкина должна была впервые развиться склонность к поэтической форме воспоминаний...» [Анненский: 309]. В возвышенно-панегирическом тоне юный поэт отдал дань памяти «Минервы Росской» и ее сподвижников, которых приравнял к мифологическим героям и богам:

О громкий век военных споров,
Свидетель славы Россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные Славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;

Русская литература XVIII–XIX столетий
А. Г. Разумовская. Поэтическая рефлексия Екатерининского парка
от Пушкина до современности: «obeliski Славы и Победы»

Их смелым подвигам страшась дивился мир;
Державин и Петров Героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир [Царскосельская антология: 84].

И позднее он отождествлял «любимые сады» «великой жены» с великой историей России:

Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов [Царскосельская антология: 99].

С воодушевлением и гордостью рисуя образы оживающей античности, поэт усилил романтические черты триумфальных полководцев — гр. П. А. Румянцева-Задунайского, гр. А. Г. Орлова-Чесменского, своего предка И. А. Ганнибала — изобразив их непобедимыми исполинами:

Сядятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полуночного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.

И в годы Отечественной войны 1812 г. Пушкин видит в своих соплеменниках ту же готовность к подвигу во славу России:

Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась, и мимо нас летят
И тучи конные, брадатая пехота,
И медных пушек светлый ряд [Царскосельская антология: 99].

Осознав обращенность Екатерининского парка к вечности, Пушкин не только открыл традицию восприятия его как парка исторических воспоминаний, но и определил две архитектурные доминанты

аллегорического ансамбля — Кагульский обелиск и Чесменскую колонну. Показательно, что на излете романтической лирики именно эти памятники благодарно вспоминал В. А. Жуковский, обращаясь к лебедю-старцу: «Памятников гордых битве под Чесмою, / Битве при Кагуле воздвижение зрел ты...» [Царскосельская антология: 62].

Мемориальность Кагульскому (Румянцевскому) обелиску придает надпись: «В память победы при реке Кагуле в Молдавии, июля 21 дня 1770 г., под предводительством генерала графа Петра Румянцева Российское воинство числом семнадцать тысяч обратило в бегство до реки Дуная турецкого визиря Галиль-Бея с силою полуторастатысячною».

Этот памятник из темно-серого слоистого мрамора Пушкин упоминает в своем творчестве неоднократно¹. В первом стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» (1814) четырехгранный обелиск выступает символом постыдного поражения турецкой армии:

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, Кагульской брег, поносен
И славен родине драгой! [Царскосельская антология: 84]

В незавершенной юношеской «Элегии» (1819) он получил определения «грозный» и «надменный», что объясняется не столько его иглообразной формой, сколько указывает на посрамление неприятеля в неравном бою:

Воспомянем упоенный,
С благоговеньем и тоской
Объемлю грозный мрамор твой,
Кагула памятник надменный [Пушкин: 397].

Однако влияние этого пушкинского образа в поэзии было локальным, а прямой аллегорический смысл памятника вскоре начал размы-

---

¹ Памятник на «прекрасном лугу» «в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева» упоминается и в повести «Капитанская дочка» (1836). Тем самым Пушкин вписывает частную историю героев в контекст истории государства, а их верность долгу соотносит с верностью Отечеству у предшественников.

ваться. Так, младший современник Пушкина С. И. Стромиллов, восхищаясь волшебным «Армидиным садом», восклицал: «Любуйся! — Тут фонтан игривый / Готов забрызгать небеса; / А тут вода струится нивой; / А тут Кагула чудеса» [Царскосельская антология: 111]. Трудно однозначно определить, имеется в виду Кагульский обелиск как памятник изумляющей воинской доблести россиян, или одна из самых эффектных перспектив пейзажной части парка, распланированная за Большим лугом (неподалеку от монумента). Речь идет о Верхних прудах со свободным рисунком берегов, соединявших их каналы с извилистым руслом, и создающих иллюзию естественно текущей реки, что, вероятно, было отсылкой к реке Кагул. На возможность подобной интерпретации намекает ряд «водных» метафор, создающих сказочную картину «чертога Фелицы».

Столетие после Пушкина русская поэзия словно не замечала славный монумент. «Кагульские громы» лишь как одну из примет окружения Пушкина-лицеиста (наряду с образами «лебедей», «аркой стройной» и др.) упомянул Б. К. Лившиц в 1925 г. [Царскосельская антология: 192]. И только в годы Великой Отечественной войны возродилось внимание к Кагульскому обелиску как символу русской непобедимости:

Есть памятник.

Сражений давних гулом

Еще живет торжественный гранит.

О знаменитой битве при Кагуле

Преданья он для правнуков хранит [Царскосельская антология: 331].

Поэтесса Е. И. Рывина сделала эпитафией к стихотворению «Надпись на обелиске» (1944) исторически достоверное обращение: «Товарищи, за поворотом я убила фашистского солдата. Меня окружают, прощайте. Л. Черняева. 26 июня 1943 г.». Написанная чернильным карандашом, эта надпись, как и «прежние, на обелиске пыльном, / Прорезанные золотом слова», делает памятник символом «Двойной Победы, / подвигов двойных» [Царскосельская антология: 331], утверждая преемственность народного героизма и торжество русской непобедимости.

Пожалуй, самой выразительной архитектурно-художественной доминантой парка является Чесменская (Большая; Орловская) ростральная колонна (или Памятник графу Орлову) из гранита и мрамора,

установленная на Большом пруду. В сюжетах барельефов и надписях на постаменте запечатлены морские победы русского флота 1770 и 1776 гг. в Средиземном и Эгейском морях — взятие о. Митилины, сражения Хиосское и Чесменское. Современные искусствоведы отмечают:

Местоположение колонны, подиум которой вырастает из воды, ее масштаб, монументальность и символика декора (корабельные ростры и орел, держащий полумесяц) говорят о ней как о мемориальном памятнике, связанном с морем и флотом. Архитектор сумел найти необходимые размеры и пропорции, выделившие колонну в столь обширном пространстве на фоне воды, зелени и неба. При этом колонна как бы стягивает вокруг себя все прибрежные пейзажи и строения [Кючарианц, Раскин: 206].

Автор первого путеводителя по Санкт-Петербургу и его окрестностям П. Свиньин (1816–1828) рисовал этот памятник в свойственном времени патетическом ключе:

Посреди озера, как бы из лона его, гордо возвышается величественная колонна, украшенная корабельными носами. Кажется, она посмеивается ударам разъяренных волн, с шумом разсыпающихся о ее гранитное основание. Тщетно ярятся глубокия пучины, тщетно бунтуют стихии вокруг ея: пройдут века и — она не поколеблется, пройдут веки и — не помрачится слава героя Чесменского — Графа-Орлова, в честь коего воздвигнут обелиск сей. Чтобы лучше осмотреть его, должно подъехать к нему на шлюпке и взойти по внутренней лесенке на гранитовую площадку, к которой утверждён он. С трех сторон пьедестал покрыт барельефами, представляющими ужасное сожжение Турецкаго флота при Чесме, а на четвертой изображено подробное описание сего достопамятнаго боя. Сверху колонны парит золотый орел, подобный орлу громовержца» [Свиньин: 156–158].

В духе романтизма и Пушкин, придавая идеализированные черты всему пространству парка («С холмов кремнистых водопады / Стекают бисерной рекой, / Там в тихом озере плескаются наяды / Его ленивою волной...»), использовал в описании колонны те же романтически преувеличенные образы:

Русская литература XVIII–XIX столетий
А. Г. Разумовская. Поэтическая рефлексия Екатерининского парка
от Пушкина до современности: «obeliski Славы и Победы»

...окружен волнами
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяясь крылами,
Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикраты обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись [Царскосельская антология: 84].

Отозвавшийся на театрализацию пейзажного парка, Пушкин одновременно соотнес события русско-турецкой войны с образами войны 1812 г.:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены [Царскосельская антология: 85].

По словам Е. П. Зыковой, поэт «ощущает движение истории в национальном масштабе», его «размышления о славном историческом прошлом соединяются с драматическим переживанием не менее славного исторического настоящего» [Зыкова: 15]. В последующий период пушкинская одическая медитация угадала. Если в 1850-е гг. Жуковский еще любовался «Чесменской гордо блещущей колонной» [Царскосельская антология: 61], соединяющей величие с красотой, то Я. К. Грот, выпускник Лицея, противопоставил воинским мемориалам императрицы свой «храм наук»: «Стоите вы назло годам, / Столпы, воздвигнутые Ею / Во славу доблестным вождям! / Пред вами я благоговею, / Но мыслью грустною смущен! / Ищу: где памятник тот славный, / Который был сооружен / Другою волею державной — / Ваш младший брат, тот храм наук, / Который здесь задумал мирно / Екатерины кроткий Внук?» [Царскосельская антология: 115]. Филолог, историк литературы, переводчик Грот ставил выше героической памяти духовные завоевания, а потому предпочел Лицей пантеону воинской славы.

В поэзии, начиная с конца XIX в., меняются отбор атрибутов парка и вызываемые ими ассоциации. Последователь «чистого искусства» К. М. Фофанов, рисуя меланхоличный Царскосельский сад, продолжил

элегическую линию его истолкования как жилища теней. В интерпретации Фофанова «этот парк унылый», что «гостеприимно сень свою раскрыл» [Царскосельская антология: 149], ассоциировался с вечностью, куда уходят погибшие «под легкою секирою Сатурна» [Царскосельская антология: 147]. Поэт недаром первым обратил внимание на замшелую Башню-руину, стилизованную под античные и готические развалины: «Стена и вал искусственной руины, / Где бледный мох и толстогубый гриб / Уже выросли для полноты картины» [Царскосельская антология: 146]. Под его пером старинный парк воплотил в себе трагедию общечеловеческого масштаба — всеобщую обреченность на гибель. Для царскосела Э. Ф. Голлербаха «Ветхая надменно-мрачная Руина, / Угловатый, зубчатый карниз...» [Царскосельская антология: 253] — всего лишь бутафория стареющего парка наряду с «мраморными богами», лебедями и другими его атрибутами. Наш современник Е. Б. Рейн видит в башне только олицетворение бренности: «И у Руины за колонной / Друзей и вспомнить и простить» [Царскосельская антология: 397]. Получается, что мемориальная символика башни ни в XIX в., ни в XXI в. поэтов не впечатляет.

В творчестве И. Ф. Анненского, духовно близкого уже символистам, отражено «великолепье небылицы» Царского Села, иллюзорность его красоты, оторванной от реальности: «Там все, что навсегда ушло, / Чтоб навевать сиреням грезы» [Царскосельская антология: 141]. В начале XX в. для модернистов, причастных к «царскосельскому кругу идей» (выражение Н. С. Гумилева), померкло обаяние места, названного В. А. Комаровским «на скудном Севере далекий отблеск Рима» [Царскосельская антология: 164]. Точно подмечено о Гумилеве: «Казалось, что в царскосельском парке он прислушивается не к шороху листвы и журчанию каскадов, а к далекому грохоту Кагула и Чесмы, о которых гласят надписи обелисков» [Голлербах 1927: 60], однако в царскосельских стихах Гумилева можно отыскать один «мрамор плит» [Царскосельская антология: 187]. Последователи Анненского осознавали условность всего екатерининского Эдема, в частности, искусственность парковых монументов: «в триумфальный год воздвигнутая арка, / Где лицемерен цвет намеренно не яркий» [Царскосельская антология: 164].

Однако в годы социальных потрясений чугунный орел Орловского памятника, символизирующий могущество страны, бесстрашие и смелость русских воинов, стал у А. А. Ахматовой знаком прочной связи

настоящего с прошлым: «И орла Екатерины / Вдруг узнали — это тот! / Он слетел на дно долины / С пышных бронзовых ворот» [Царско-сельская антология: 204]. Вслед за Пушкиным проводя историческую параллель, но уже между русско-турецкой войной и Первой Мировой войной, Ахматова по-женски оплакивала вечные разлуки («в царство тени / Ты ушел, утешный мой»), исполняя «песнь прощальной боли» [Царскосельская антология: 204]. Неслучайно в памяти современников и в годы Великой Отечественной войны облик молодой Ахматовой был слит с образом орла-победителя, когтящего полумесяц:

Там же, крыльями взмыв, попирал тяжелой бронзой колонну
Победитель — Орел, устремляясь в движении — к озеру, вниз.
Стоны чуткого сердца ея и неслышные орлие стоны
Кружевными узорами в строфы плелись [Царскосельская антология: 291]¹.

Ахматовская реплика, напомнившая о пушкинской традиции, откликнулась в поэзии эмиграции. В стихотворении 1921 г. «Война» Н. А. Оцуп актуализировал такие знаки прочности и незыблемости уклада, как «царскосельский дуб, орел над прудом и лодки» [Оцуп: 36], оттеняя, таким образом, состояние неустойчивости в реальном мире. Впоследствии образ орла отозвался в меланхолическом стихотворении его младшего брата, Г. А. Раевского: «...Империя тогда уже клонилась / К ущербу, но безмолвие и холод / Ничем не нарушимые царили / В те годы там, в торжественных садах, / Чуть тронутых осенним увяданьем. / А посреди пруда с большой колонны / Орел чугунный, крылья распластав, / Летел — напоминание о славе — / Пронзительным не нарушая криком / Предгибельной и полной тишины» [Царскосельская антология: 298]. Подспудно поэты-царскосельцы еще помнили пушкинские воодушевленные строки о прошлой воинской славе, не случайно Н. Оцупу снились ворота «Любезным моим сослуживцам» [Царскосельская антология: 242], мысленно он видел «широкий и гладкий пруд

---

¹ По свидетельству А. И. Угрюмова (А. И. Плюшкова), Ахматова любила скамью в зарослях шиповника, повернутую к Большому озеру, она «одиноко сживала на этой скамье в вечерние часы летом, на закате солнца, и пристально близорукими глазами вглядывалась в озерную рябь и в Чесменскую колонну посреди озера, увенчанную бронзовым орлом» [Петербург в поэзии...: 716].

царскосельского парка с орлом Екатерины, парящим на мраморном столпе между водой и небом. Я вижу посреди пруда яхту без парусов, уже снятых и спрятанных до весны...» [Оцуп: 506]¹.

Эмигрант Ю. П. Трубецкой мемориальную атрибутику сопровождал стужей: «Никнут холода / На обелиски Славы и Победы» [Царскосельская антология: 295], что привносило в его восприятие старинного парка драматическую ноту. А. И. Угрюмов видел в запущенности парка знак погруженности в прошлое: «В темном, старом, запущенном парке, / Притаились виденья и сны. / Плющ оплел триумфальные арки, / Возведенные в память войны» [Царскосельская антология: 289]. Напоминающая о былом величии Отечества, царскосельский парк ассоциировался у изгнанников с утраченной Россией. В то же время у Д. И. Кленовского государственная символика по-прежнему подчеркивала вечную красоту, запечатленную в парке: «...и на орлах / Екатерины солнце не потухнет!» [Царскосельская антология: 222].

Для поэтов, живших в советской стране, например, для В. Е. Арэнс и Орловская колонна, и Триумфальные ворота с потускневшей позолотой надписи «Любезным моим сослуживцам» — лишь памятники «догоревшей славы» [Царскосельская антология: 176]. «Личное» предпочитает «историческому» и автобиографический герой И. Л. Михайлова: «Пруд с отраженьем Чесменской колонны / (мы доплывали до нее, взбирались, / держась за камни, кверху, на площадку, / и, отгоняя голубых стрекоз, / часами загорали, как на пляже, / на раскаленных плитах)» [Царскосельская антология: 339]. Хотя в Гражданскую войну именно орел становится для него олицетворением замершего в страхе, безжизненного города: «Печально стыло озеро. Орел / глядел в него нахохлившись» [Царскосельская антология: 346].

Один из самых последовательных «певцов» Царского Села и парка советских лет В. А. Рождественский, продолжатель акмеизма, нередко упоминал колонны и «доспехи славы» [Царскосельская антология: 503–504].

---

¹ Показательна историческая параллель в размышлениях поэта-эмигранта о духовной связи Пушкина с Анненским: Пушкин «воплощал гениальную юность и надежды победоносной России, а второй пережил крушение своей карьеры, под старость, одновременно с падением Порт-Артура. <...> Там — Державин и Петров героям песнь бряцали струнами громкозвучных лир! Здесь — гибель флота...» [Оцуп: 503–504].

гия: 267]. Для него памятники побед наравне с фонтаном-статуей Молодницы являются в этом «Элизиуме муз» источником поэтического преображения:

Если не пил ты в детстве студеной воды
Из разбитого девой кувшина,
Если ты не искал золотистой звезды
Над орлами в дыму Наварина, —
Ты не знаешь, как эти прекрасны сады
С полумесяцем в чаше жасмина [Царскосельская антология: 264].

Парк у Рождественского, являясь местом исторических, поэтических и личных переживаний, имеет пушкинскую родословную — «Царского Села прекрасные дубравы»:

Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой... [Царскосельская антология: 92].

Соединяя в себе интимно-лирическое и мемориально-триумфальное начала, эти места «хранят / Садами пышными венчаные долины / И славу прошлых дней — и дух Екатерины» [Царскосельская антология: 93]. Позднее в поэтических фантазиях Т. Г. Гнедич воспоминания «о славе юных лет, / Когда шумели радостью побед / Густые темно-лиственные арки» [Царскосельская антология: 321], связываются не с интенциями рукотворных памятников, а с ликованием природы, олицетворяющей торжество жизни.

На рубеже XX–XXI вв. наши современники все острее ощущают искусственность Екатерининского парка, существующего вне времени и реальности, в которой по-прежнему идут войны: «Ранней зеленкой / Смертозащитной / покрылись деревья ижорские / В парке славы российской, / в прекрасном саду сарскосельском. / Обелиски, колонны... / Но тихо в аллеях просторных / Ветер вешний / сюда не приносит вестей / Из Чечни мятежной, / из ее непокорных ущелий» [Царскосельская антология: 450]. Парк остается местом обитания призраков:

«У Орловских ворот вновь гарцуют Орловы, / Отдыхает у Грота семейство наяд. / В заповедных местах всюду тени былого / Прижились, пообвыкли — улетать не хотят» [Царскосельская антология: 469]. Триумфальные монументы кажутся совсем не грозными, а игрушечными: «Свечечка колонны Морейской / Теплится в полуночной мгле...» [Царскосельская антология: 487]. Это мир вымышленный и иллюзорный, чуждый жизни за пределами дворцовых оград.

Итак, проделанный анализ поэтической рефлексии памятников воинской славы позволяет расширить существующие представления об образе Царского Села в литературе. Относящийся к редкому в садовом искусстве XVIII в. художественному типу, Екатерининский парк отличается насыщенностью идеологическими мотивами. Особенно ценно, что здесь воздвигнуты памятники не только античным божествам и добродетелям, но настоящим героям и подвигам военно-морского искусства. Кагульский обелиск, Чесменская колонна и другие памятники воинской доблести россиян наряду с многочисленными символами формируют царскосельскую мифологию, однако подъем исторической памяти, примеры патриотизма и высокого служения Отечеству актуализируются лишь в переломные эпохи войн и революций. В противовес историческим катаклизмам культурное сознание в мирные годы наделяет парк чертами идеализированного пространства, в котором поэты погружаются в грезы о собственном пережитом, уносятся в любовные и творческие Эдемы. В русской поэзии этот парк по преимуществу был и остается пространством обитания муз, метафорой прекрасной мечты.

Список литературы Источники

- Анненский И. Ф.* Пушкин и Царское Село // *Анненский И. Ф.* Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 304–321.
- Голлербах Э. Ф.* Царское Село в поэзии. СПб.: Парфенон, 1922. 55 с.
- Голлербах Э. Ф.* Город муз. Детское Село, как литературный символ и памятник быта. Л.: Изд. автора, 1927. 96 с.
- Оцун Н. А.* Океан времени. Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания / сост., вступ. ст. Л. Аллена; коммент. Р. Тименчика. СПб.; Дюссельдорф: Logos, Голубой всадник, 1993. 616 с.
- Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна) / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Р. Тименчика и В. Хазана. СПб.: Академический проект, Изд-во ДНК, 2006. 848 с.
- Пушкин А. С.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Современник, 1982. Т. 1: Стихотворения 1813–1824 годов. 638 с.
- Свиньин П.* Царское Село // *Свиньин П.* Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей: в 5 т. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1817. Т. 2. С. 138–174.
- Царкосельская антология / сост. А. Ю. Арьева и Б. А. Чулкова; вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. Ю. Арьева. СПб.: Вита Нова, 2016. 768 с.

Исследования

- Арьев А. Ю.* «Великолепный мрак чужого сада». Царское Село в русской поэтической традиции // Царкосельская антология. СПб.: Вита Нова, 2016. С. 5–43.
- Зыкова Е. П.* Поэма / стихотворение о сельской усадьбе в русской поэзии XVIII — начала XIX в. // Сельская усадьба в русской поэзии XVIII — начала XIX века. М.: Наука, 2005. С. 3–36.
- Кючарианиц Д. А., Раскин А. Г.* Сады и парки дворцовых ансамблей Санкт-Петербурга и пригородов. СПб.: Паритет, 2009. 368 с.
- Лебедева Т. Е.* Образ Царского Села и приемы его языкового воплощения в повести «Город муз» Э. Ф. Голлербаха // *Art Logos*. 2021. № 2 (15). С. 121–159.
- Разумовская А. Г.* Сады российской поэзии (от символизма до постмодернизма). СПб.: ИРЛИ РАН, 2014. 436 с.
- Разумовская А. Г.* «Царкосельская статуя» А.С. Пушкина и развитие поэтической традиции // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2022. Вып. 13. С. 48–55.
- Свирида И. И.* Утопизм и садово-парковое искусство эпохи Просвещения // Культура эпохи Просвещения. М.: Наука, 1993. С. 37–67.
- Соколов Б. М.* «Художник роц твоих». Три века пейзажного парка // Пейзажный парк в Европе и России: от Просвещения к романтизму. М.: Кучково поле, 2017а. С. 18–43.
- Соколов Б. М.* Екатерина II и теория пейзажного садоводства // Пейзажный парк в Европе и России: от Просвещения к романтизму. М.: Кучково поле, 2017б. С. 104–113.

Топоров В. Н. Поэзия и проза В. А. Комаровского. Глава из истории русской литературы начала века // *Комаровский В. А. Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии* / сост. И. В. Булатовского, И. Г. Кравцовой, А. Б. Устинова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. С. 264–431.

Швидковский Д. О. Чарльз Камерон и архитектура императорских резиденций. М.: Улей, 2008. 392 с.

References

Arëv, A. Iu. “‘Velikolepnyi mrak chuzhogo sada.’ Tsarskoe Selo v russkoi poeticheskoi traditsii” [“‘The Magnificent Darkness of Someone Else’s Garden.’ Tsarskoye Selo in the Russian Poetic Tradition”]. *Tsarskosel’skaia antologiya* [*Tsarskoye Selo Anthology*]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2016, pp. 5–43. (In Russ.)

Zykova, E. P. “Poema / stikhotvorenie o sel’skoi usad’be v russkoi poezii XVIII – nachala XIX v.” [“Poems About a Rural Estate in Russian Poetry of the 18th – Early 19th Centuries”]. *Sel’skaia usad’ba v russkoi poezii XVIII — nachala XIX veka* [*Rural Estate in Russian Poetry of the 18th — Early 19th Centuries*]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 3–36. (In Russ.)

Kiuchariants, D. A., and A. G. Raskin. *Sady i parki dvortsovykh ansamblei Sankt-Peterburga i prigorodov* [*Gardens and Parks of the Palace Ensembles of St. Petersburg and Its Suburbs*]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2009. 368 p. (In Russ.)

Lebedeva, T. E. “Obraz Tsarskogo Sela i priemy ego iazykovogo voploshcheniia v povesti ‘Gorod muz’ E. F. Gollerbakha” [“The Image of Tsarskoye Selo and the Techniques of Its Linguistic Embodiment in the Story ‘City of Muses’ by E. F. Hollerbach”]. *Art Logos*, no. 2 (15), 2021, pp. 121–159. (In Russ.)

Razumovskaia, A. G. *Sady rossiiskoi poezii (ot simvolizma do postmodernizma)* [*Gardens of Russian Poetry (From Symbolism to Postmodernism)*]. St. Petersburg, IWL RAS Publ., 2014. 436 p. (In Russ.)

Razumovskaia, A. G. “‘Tsarskosel’skaia statuia’ A. S. Pushkina i razvitie poeticheskoi traditsii” [“‘Tsarskoye Selo Statue’ by A. S. Pushkin and the Development of the Poetic Tradition”]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Sotsial’no-gumanitarnye nauki”*, issue 13, 2022, pp. 48–55. (In Russ.)

Svirida, I. I. “Utopizm i sadovo-parkovoe iskusstvo epokhi Prosveshcheniia” [“Utopianism and Landscape Art of the Enlightenment”]. *Kul’tura epokhi Prosveshcheniia* [*Culture of the Enlightenment*]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 37–67. (In Russ.)

Sokolov, B. M. “‘Khudozhnik roshch tvoikh’. Tri veka peizazhnogo parka” [“‘The Artist of Your Groves.’ Three Centuries of Landscape Park”]. *Peizazhnyi park v Evrope i Rossii: ot Prosveshcheniia k romantizmu* [*Landscape Park in Europe and Russia: From the Enlightenment to Romanticism*]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017a, pp. 18–43. (In Russ.)

Sokolov, B. M. “Ekaterina II i teoriia peizazhnogo sadovodstva” [“Catherine II and the Theory of Landscape Gardening”]. *Peizazhnyi park v Evrope i Rossii: ot Prosveshcheniia k romantizmu* [*Landscape Park in Europe and Russia: From the Enlightenment to Romanticism*]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017b, pp. 104–113. (In Russ.)

Русская литература XVIII–XIX столетий
А. Г. Разумовская. Поэтическая рефлексия Екатерининского парка
от Пушкина до современности: «обелиски Славы и Победы»

Toporov, V. N. “Poeziia i proza V. A. Komarovskogo. Glava iz istorii russkoi literatury nachala veka” [“Poetry and Prose of V. A. Komarovsky. Chapter from the History of Russian Literature at the Beginning of the Century”]. Komarovskii, V. A. *Stikhotvoreniia. Proza. Pis'ma. Materialy k biografii* [Poems. Prose. Letters. Materials for a Biography], comp. by I. V. Bulatovskii, I. G. Kravtsova, and A. B. Ustinov. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2000, pp. 264–431. (In Russ.)

Shvidkovskii, D. O. *Charl'z Kameron i arkhitektura imperatorskikh rezidentsii* [Charles Cameron and the Architecture of Imperial Residences]. Moscow, Ulei Publ., 2008. 392 p. (In Russ.)